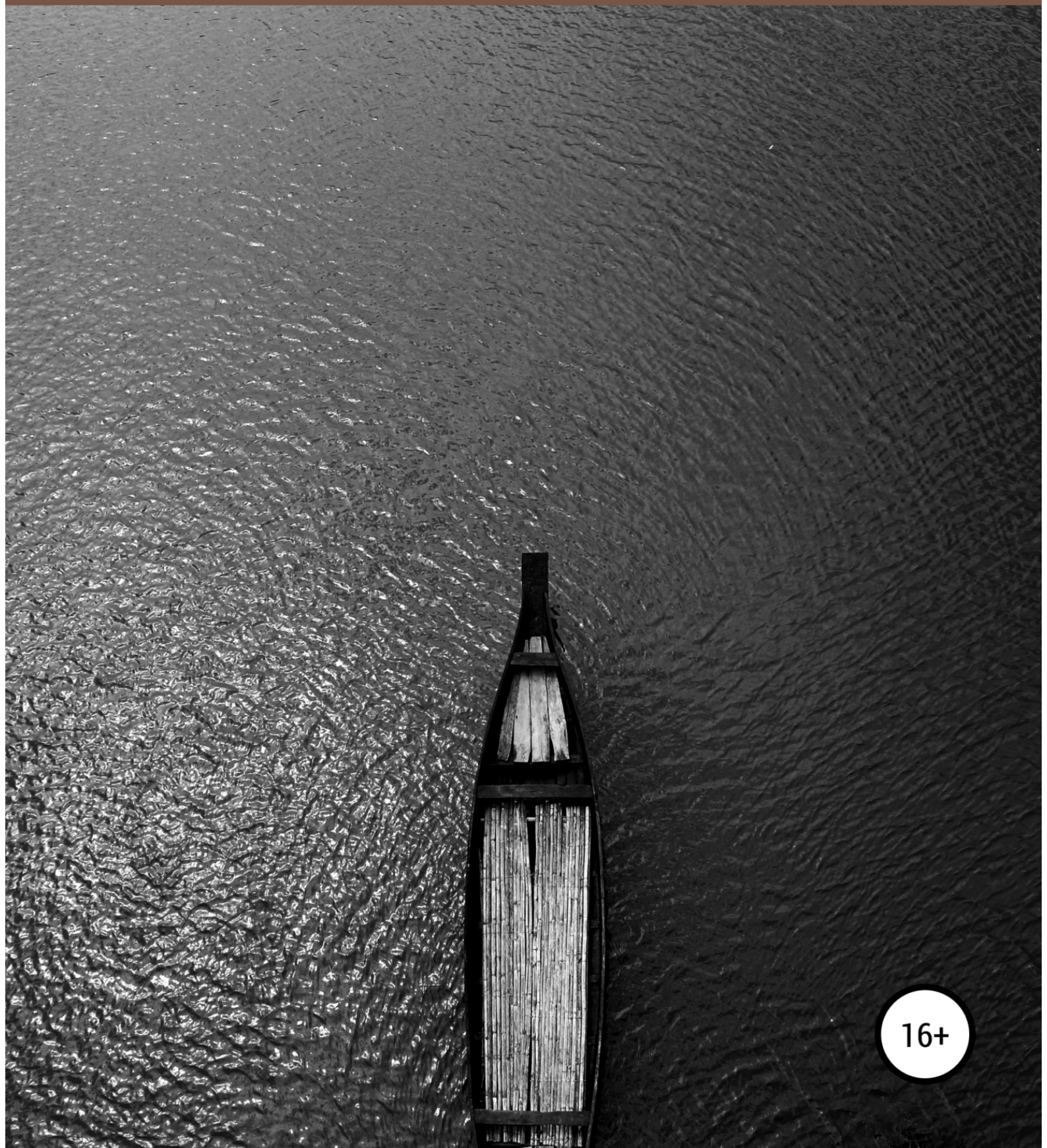

Майкл Дискейн

Харон

16+

Майкл Дискейн

Харон

«Автор»

2020

Дискейн М.

Харон / М. Дискейн — «Автор», 2020

"Харон" рассказывает историю существа, что перевозит людские души в загробный мир. Ему не ведано, кто он, - он лишь выполняет то, что должен. Эта работа - рутина для Харона, всякий раз он выслушивает людей, видит их воспоминания, но никогда не осуждает их. Он лишь везёт их навстречу судьбе. Но очередные пассажиры оказываются весьма необычными, и после них всё идёт не так, как должно. Харон даже не подозревает, к чему его приведёт последний пассажир...

© Дискейн М., 2020

© Автор, 2020

Содержание

1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Майкл Дискейн

Харон

*«Оглянитесь вокруг, но будьте внимательны:
уверяю вас – здесь всё не так,
как может показаться на первый взгляд...
а может быть, даже на второй».*
(с) забытый историей бродячий философ.

«If you can dream it, you can do it».
Уолт Дисней.

1

Вода шепчет мне. Волны переговариваются, делятся друг с другом тайной потерянных душ и иных миров, иногда посвящая в свой загадочный диалог меня, их слугу и хозяина. Воды Ахерона могут быть тише бесконечного одиночества, а могут разрушать скалы, затягивать их на дно холодным водоворотом судьбы, из которого уже нет никакого выхода. Но сегодня было тихо и спокойно.

Ахерон молчал, волны ничего не говорили мне. Конечно, я, как и всегда, слышал голос стихии, но она будто замкнулась в себе, повернулась ко дну и не хотела глядеть на тусклое, затянутое постоянным густым туманом солнце. Бывало, что река как-то особенно реагировала на моих пассажиров – да так, что грозилась перевернуть мою лодку, – хотя, разумеется, вода не сделает этого, покуда я не захочу, а желание искупаться в холодных тёмных водах Ахерона у меня никогда не возникало.

Да, иногда река словно отвергала тех, кто сидел перед мной, но иной раз, напротив, становилась чище, легче, она превращалась в зеркальную гладь, которая совсем не препятствовала движению моей лодки, а даже подталкивала. Наверное, вода знала, какая участь ждёт пассажира в конце пути, за Чёрными Скалами. Ахерон знал больше, чем я, но никогда не говорил, что там, в конце. Возможно, в моём существовании в противном случае было бы ещё меньше смысла... не знаю. Я не люблю об этом думать.

Пассажир не смотрел на меня – наверное, одного недолгого взгляда ему хватило. Что ж, его можно понять. Я и сам был не в восторге от своего отражения, которое временами вырисовывалось на воде. Поэтому я был благодарен Ахерону хотя бы за то, что вода его часто была мутна и темна, как головная боль.

Пассажир смотрел в туманную даль, туда, куда направляла нас река, и, вероятно, думал о своей участи. Берегов не было видно: только туман и вода. Когда мужчина сел в лодку на Берегу Оставленной Надежды, я вполне успел разглядеть его внешность. Ростом он был ниже меня на две головы, хотя среди людей он наверняка не считался низким. Плечи его были узкие, но крепкие. Его тело выглядело жилистым; можно было догадаться, что в прошлом мужчина не гнушался тяжёлой работы, не проводил жизнь на диване в ожидании чуда. Волосы на его голове были обстрижены коротко, но на щеках и подбородке выступала щетина. Седая щетина. Цвет глаз я также запомнил сразу, благодаря их секундному взгляду в начале, – светло-голубые. Одет он был в чёрное. Разумеется.

Царило молчание, разве что Ахерон шептал что-то. Я никогда не начинал диалог первым и не должен был. В конце концов, пока человек в моей лодке не заговорит, мы никогда и куда не доплывём, а поскольку мне торопиться некуда, я его и не подгонял. Думаю, рано или поздно об этом догадывался каждый. И вот мой сегодняшний подопечный наконец сказал:

– Наш путь будет долгим, так ведь? – он всё так же смотрел в туман.

– Не знаю, – сказал я. – Это зависит от тебя, не от меня.

Прошло ещё минут десять, прежде чем мужчина снова заговорил.

– Что я должен сделать? – он взглянул на меня, и я прочитал болезненную тоску в его глазах, которые когда-то были кусочками бескрайнего неба.

– Перед твоим взором возникают картины. Я не знаю, какие они. Я не могу знать. Тебе нужно описать их, рассказать мне.

– Это... – он сглотнул, – это мои мысли... мои воспоминания, да? – он отвернулся, вновь уставился в туманную даль.

– Да. Твои. Они только твои. И ты видишь всё так же реально, как и в жизни. В той жизни, – сказал я, сильнее налегая на весло.

И снова – молчание. Я привык к этому. Тишина – это мой мир.

– Кажется, так просто менять весь мир по своей прихоти, просто из-за того, что в твоей гнилой голове появилась и прижилась мысль, что одни люди могут быть выше других, – в его реплике не было эмоциональной оценки, манера была однотонна и тягуча, слова текли, как смола из корней подземного царства.

Я глядел на него, представляя, прелюдией к какому повествованию могли служить эти слова.

– Ты был политиком? – спросил я, не сводя с него пристального тёмного взгляда.

– В каком-то смысле... – нехотя ответил тот. – Нет, скорее, я был против политики... скажи, а зачем тебе всё это знать? Я никогда не думал, что дойдёт до такого, но... я знаю, что ты не человек. Зачем ты слушаешь исповеди людей?

Он держался очень неплохо. Я видел его страх только в самом начале, когда встретил его, выходящего из тьмы, на Берегу Оставленной Надежды. Тогда он, как и все люди, пытался приспособить своё бедное сознание, отягчённое материальным миром, к новым условиям, к чему-то чуждому, невероятному и тёмному, к тому, чего просто не могло быть. В конце концов, отбросив теорию о бьющемся в смертельной агонии мозге, выдающем весёлые, сменяющие друг друга под звуковое сопровождение картинки, он быстро понял, что всё – вполне реально, что отсюда никуда не убежать, не скрыться от меня, высокой фигуры в серо-чёрной мантии, глаза которой не видны в беспросветной тьме под капюшоном. Я стоял на берегу, опершись о весло, и терпеливо ожидал, пока мой гость смирится с поражением рационального мышления. На это могло уйти несколько часов: если я не ошибаюсь, то примерно такое время и требовалось чаще всего, но точнее сказать не могу. Я не помню личности и истории своих пассажиров, лишь какие-то детали, которые могли быть и предметом памяти, и предметом воображения.

Мужчине понадобился всего час, чтобы прийти в себя.

– Зачем? – сказал я. – Знаешь, мне кажется, если никто не будет перевозить людей здесь, Ахерон просто поглотит их мёртвыми водами. Река по-другому не может. Вы – чуждые этой стихии. Так что без сопровождающего, выходит, никак. Так уж вышло, что это я. Я везу людей навстречу их участи, но мне неизвестно, кто я есть. И мне так же неизвестно, когда я начал это делать. Я больше ничего не знаю.

Мужчина ответил не сразу, а поразмыслив несколько минут.

– Я был атеистом. Но, конечно, несколько раз я задумывался о том, что по ту сторону, но... я так и не склонился ни к чему. Иногда, правда, в голову приходила мысль, что, быть может, я ошибаюсь, и что-то есть... но... я думал, что если атеизм ошибается, то там будет что-то... что-то другое. – Он повернулся ко мне, – во всяком случае, не оживший миф из... античности, судя по всему.

Я неслышно усмехнулся, чего он не заметил. Мне не раз доводилось слышать подобное, и всякий раз это подобное меня веселило.

– Харон, так ведь? – с интересом в голосе спросил пассажир, но взгляд его был до бесконечности равнодушен.

Я кивнул.

– Ты знаешь, кто я. Теперь расскажи, что ты видишь. Я не имею права торопить, но должен сообщить, что иначе мы будем плыть вечно.

– Да, – лишь неопределённо ответил тот, а дальше – снова тишина.

Пожалуй, я никогда не смогу ощутить то, что ощущает человек, которого тёмная нежить, вооружённая веслом, везёт невесть куда. Наверное, эти ощущения не из приятных. Но тут уж ничего не поделаешь. По крайней мере, я мог догадываться: едва ли кто-то хотел задерживаться в моей компании надолго.

Волны зашептали оживлённее, и, хотя я не мог разобрать, что они говорят, это служило знаком к тому, что сейчас мой пассажир начнёт рассказ. Наверняка. Ахерон не ошибался.

– Я вижу себя в своей спальне, – произнёс мужчина слегка дрожащим голосом, но с каждым новым словом этот голос креп. – Это мой последний вечер дома, последний вечер с женой и сыном. Я надеялся, что ещё увижу их, но... в глубине души я знал, что этого не произойдёт. Но всё же надежда не исчезала... это очень больно – точно знать что-то, но надеяться на обратное. Это слабость, но, наверное, только эта слабость отличает человека от бездушной твари.

Чем больше он погружался в свой рассказ, тем отчётливее его видение прорисовывалось в тумане вокруг нас. Теперь я смотрел не на него, а в серую, мутную дымку тумана, которая постепенно уступала место другой реальности. Реальности этого человека.

Я увидел его самого, сидящего на полу, а на его коленях – мальчика лет семи. Мальчик смеялся и что-то говорил. Я не мог разобрать слов. Я увидел кровать. На ней, свесив ноги и слегка болтая ими, сидела женщина. Она была лет тридцати, наверное, и у неё были золотые волосы. По-настоящему золотые. Очень красивая женщина.

Она переводила взгляд то на сына, то на мужа и улыбалась. Но в улыбке её просматривалась тоска, и в глазах её стояла боль, которую она скрывала от ребёнка. А в глазах мужчины – слёзы, которым он не позволял вылиться.

Мой пассажир говорил всё увереннее, но я не слушал его. Я смотрел.

Вот мальчик, счастливый и безмятежный, отправляется спать, он ещё не знает, что никогда больше не увидит отца. Супруги остаются вдвоём, они ложатся на кровать и замирают: её голова на его груди, он прижимает её к себе, вдыхая запах волос. Они молчат, и в молчании наступает холодный рассвет. Оба они бледны, как смерть. Женщина плачет. Муж в последний раз целует её, так крепко, как, должно быть, целовал лет десять назад. Он уходит, тихо затворив дверь... и снова туман.

Мужчина перестал говорить.

– Я знаю, что это самое сильное твоё воспоминание; оно не только навсегда отпечаталось в твоём сознании, но и стало основным наполнением твоей гаснущей души. Может быть, вместе с твоей волей это воспоминание останется даже после конца.

Он смотрел в туман и содрогался, не оборачиваясь.

– Но ты видишь и другие картины, я чувствую. Тебе нужно заново пережить всё, что наполняет твои чувства.

Я абстрагировался от любого шума, выключил слух и стал всматриваться в туман, в ожидании новой картины. Прошло минут десять, прежде чем что-то начало проявляться.

Мужчина был в тени какого-то огромного стеклянного здания. Не один. С ним стояли девять человек, мужчины и женщины в тёмной одежде, все – промокшие под ледяным ноябрьским дождём. Дверь, ведущая в стеклянный храм, вершина которого растворялась в тучах, зияла чернотой Тартара – при взгляде туда даже мне стало не по себе. Не знаю, что это было, но каково же было всем этим людям? Наверное, над ними довлел ужас. Но я не могу говорить за них.

На этот раз я слышал всё, что они говорили. Мой пассажир – точнее, тот, кем он был раньше – произнёс:

– Мы все знаем, на что идём. Все, кто остался со мной, подписался на тяжёлую смерть. Но подписался за правду, как бы её не попирали грязными тяжёлыми сапогами, за свободу, что есть отражение свободы духа. Вы понимаете, что многие люди даже не узнают о том, что мы пытались сделать, а большинство из тех, кто узнает, – не поймут нас и посмертно осудят, они не поймут, что мы сражались за них. Но пусть это вас не смущает! В мире правда доходит лишь до единиц... но она живёт в нас, и пусть мы исчезнем, но с сознанием истины и своей свободы.

Люди отреагировали аплодисментами, тихими, но дружными. Они улыбались – я всегда поражался способности человека осознанно идти на смерть с улыбкой на лице.

– Вспомним мыслителей, которые в трудах своих выразили простую мысль, что всегда жила в человеке, что заложена в него самой природой: мы все имеем право на счастье. Всё это

банально и сказано тысячу раз, но... истина не перестаёт быть истиной из-за того, что люди пытаются её извратить. Адская паутина властей-кукловодов охватила весь мир, и в нём уже не осталось места, где бы ни жил паук. Возможно, человек уже никогда не станет свободным от себя самого, от других представителей homo sapiens, но борьба всегда имеет смысл. Пусть даже в человеке не останется надежды, но он всякий раз будет бросать вызов театру абсурда, ибо он презирает его, ибо ставит себя выше боли и страдания. Так и Сизиф призрел свою участь вечно поднимать на гору камни. Сделаем же то, что должны.

И они вошли в зев стеклянной башни, нависшей над землёй дамокловым мечом. Я понял, что они собирались кого-то убить, того, кто не давал им жить. Может быть, это был какой-то вельможа, может, правитель города, а может, император-тиран. Я не знаю, как они добрались до сюда и почему их ещё не убили. Однако в конечном итоге оказалось, что они близки к этому. Как и предсказывал тот, кто вскоре оказался в моей лодке, никто из них не вышел из башни живым. Они убили много солдат, но, видимо, не смогли осуществить свой план, каким бы он ни был. Не смогли убить паука.

Я чувствовал то, что чувствовал мой новый знакомый, умирая. У него не было ощущения какой-то горечи, что он не смог добраться до цели. Он чувствовал боль лишь из-за того, что больше не увидит сына и жену. Боль вонзалась в грудь раскалённой сталью, несмотря на то, что он знал всё наперёд.

– По-другому ты не мог поступить, верно? – спросил я у него, когда видение исчезло.

– Да. Я выбирал между своей смертью и смертью самых дорогих людей, – он вдруг резко повернулся ко мне, пристально всмотрелся в мои глаза, хоть сам и не мог видеть их. – Послушай, ты можешь сказать мне, живы ли они? Удалось ли им сбежать? Она... она должна была в то же утро взять сына и путями, которые я долго продумывал, уйти... они живы?

– Я не знаю. Это основная причина, по которой я не могу ничего тебе рассказать. Но я не уверен, что рассказал бы тебе, если бы и мог знать.

– А ты прямолинеен, – он повернулся обратно к туману.

– Да. И я говорю правду.

– Не сомневаюсь. Тут уже никакая ложь ничего не стоит.

– Верно.

– Выходит, я даже сейчас, после смерти, не знаю, как они...? Я смогу... узнать это, когда... всё просто закончится?

Я не ответил и только смотрел на него.

– Ах да, ты же ничего не знаешь... – в его словах было столько тоски, что, казалось, сейчас она обретёт некую субстанцию, и слова станут тяжёлым потоком, который затопит лодку.

Я сочувствовал ему, насколько умел. Этого я не был лишён.

– Скажи, наверное, ради идеи свободы и истины ты совершил много зла? – спросил я несколько неожиданно для самого себя. Обычно я не задаю напрямую таких вопросов. Но, подумал я, ему будет легче продолжить рассказ или вызвать ещё видение, если я наведу его на них; ему будет легче сконцентрироваться на своих чувствах и настоящих мыслях, а не на их отзвуках.

– Пожалуй, так и есть. Много. Я осознавал, что совершаю зло, но в моменты, когда это происходило, совесть чувствовала себя в порядке... ну, я так думал. Такие переживания были приглушены оправданием моих действий. Я искренне верил в своё дело, я знал, что рано или поздно мой вклад в достижение человеком свободы станет ощутим. Можно сказать, что я приносил совесть в жертву идее... как и людей, впрочем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.